

М. Ц. АРЗАКАНЯН

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ. ПОКОЛЕНИЯ И ТРАДИЦИИ Размышления по поводу книги Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик»

Статья представляет размышления автора над книгой Л.А. Сидоровой, посвященной советским историкам трех поколений. В монографии прослежено влияние на их жизнь и творчество религии, художественной литературы, искусства, музыки.

Ключевые слова: история, советские историки, научные школы, религия, художественная литература, театр, музыка

Известный российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Любовь Алексеевна Сидорова считает себя исследователем-историографом. Конечно, я согласна с этим. Ведь ее перу принадлежат книги «Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия» и «Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков». Однако монография автора «Советские историки: духовный и научный облик», увидевшая свет в самом конце 2017 г., свидетельствует о том, что Л.А. Сидорова уже вышла за рамки строго историографической тематики. Ее новый труд, безусловно, новаторский, скорее можно отнести к направлению интеллектуальной истории. В нем автор обрисовывает духовный облик советских историков трех поколений – представителей «старой школы», первого марксистского поколения («красной профессуры») и послевоенного поколения. Автор пишет о том, как и каким образом, влияли на работу историков религия и вера, идеология, художественная литература, драматический театр, живопись, музыка, какими методами работали историки, какие научные споры вели.

Описанный Л.А. Сидоровой «собираемый образ» я бы все-таки назвала не коллективным, а личностным, потому что перед читателем возникает «галерея портретов» отдельных людей. Автор рассказывает об историках, которые опубликовали воспоминания, вели дневники или переписку, словом, сформировали источниковую базу, с которой она работала. Назовем хотя бы Михаила Михайловича Богословского, Бориса Дмитриевича Грекова, Николая Михайловича Дружинина, Исаака Израилевича Минца, Милицу Васильевну Нечкину, Анну Михайловну Панкратову, Сергея Александровича Пионтковского, Юрия Александровича Полякова, Евгения Викторовича Тарле. Читатель-историк найдет в книге и много известных ему имен, и совсем незнакомых.

В предисловии автор справедливо отмечает, что три поколения ученых, о которых пойдет речь, «обладали существенными различиями в восприятии, как принципов научной деятельности, так и современной им действительности» (с. 7). Но когда я, сама историк в третьем поколении, читала работу, то словно ощущала, как какие-то неведомые нити связывают меня (да и некоторых моих коллег) с прошлым, и думала, как хорошо, что историки «старой школы» заложили интеллектуальные и духовные основы, которые живы по сей день. Хочется сказать тем, кто жил и творил сто лет назад и после войны, что и мы в начале этого сумасшедшего XXI столетия в чем-то такие же как они, и продолжаем, заложенные ими традиции. Л.А. Сидорова собрала и осмыслила огромный материал. Осветить все затронутые ею темы в одной рецензии невозможно. Остановлюсь на особо заинтересовавших меня сюжетах.

Вначале – о проблеме отношения советских историков к религии и церкви. Автор открывает раздел об этом словами: «Важной составляющей... образа российских историков XX в. являются духовно-нравственные принципы, которыми они руководствовались в своей профессиональной и частной жизни», и далее справедливо отмечает: «Эта сфера по самой своей природе является более закрытой, по сравнению, скажем, со сферой общественно-политической, а потому и остается малоизученной» (с. 11). Действительно, мало кто отваживался в советскую эпоху писать о своих религиозных убеждениях. Тем не менее, некоторое представление об отношении советских историков к религии, читая книгу, получить можно. Были среди них истинно верующие люди. К ним относились в первую очередь историки «старой школы», которых к вере приобщали с детства в семье. Некоторые ученые происходили из духовного сословия (с. 15). Они, как правило, ходили в церковь хотя бы время от времени, как например академик Б.Д. Греков. Воцерковленным был другой известный историк – М.М. Богословский. Автор книги пишет, что страницы его дневника «полны рассказов о регулярном посещении им церковных служб, о его раздумьях над судьбами Русской Православной Церкви и о ее роли в России, об отношении к православному вероучению. Воскресные дни для него обычно начинались с посещения службы в храме. Для него это было столь насущно, что, если какие-либо обстоятельства препятствовали посещению им храма, он все же находил возможность хотя бы ненадолго зайти туда» (с. 23). Такие, как он, «болезненно переживали давление в духовной сфере» (с.48).

Представители «красной профессуры» в большинстве своем были атеистами (с. 11). Они, читаем в книге, «были солидарны с проводившейся антирелигиозной пропагандой и сами принимали в ней участие» (с. 48). Нередко в советской России осуждалась даже принадлежность до Октябрьской революции к духовному сословию. В подтверждение напишу несколько слов о своем деде по материнской линии Архипе

Алексеевиче Красновском. Он родился в 1885 г. на Украине в селе Тимоновичи, был сыном сельского пономаря, потерял отца в два года. Его как сироту определили на учебу в Черниговскую духовную семинарию. Дед в юном возрасте принимал участие в революционных событиях 1905–1907 гг., за что его сажали в тюрьму, исключили из семинарии, но потом все-таки дали возможность ее закончить. После этого А.А. Красновский закончил историко-филологический факультет Казанского университета (ни Санкт-Петербургский, ни Московский университеты не приняли у него документы). Дед стал известным историком педагогики, «красным профессором», преподавал в Казанском университете, в конце 1920-х гг. переехал в Москву. Несмотря на духовное образование, он по своим убеждениям был атеистом, никогда не ходил в церковь, однако к своим учителям относился с пиететом и еще до Октябрьской революции написал для «Епархиальных ведомостей» некрологи на их кончины. Так вот в разгар антирелигиозной эйфории в 1931 г. эти некрологи отыскиали и в статье «Долой маски с перекарсившихся», помещенной в газете «За пролетарские кадры» (9 апреля 1931 г.) А.А. Красновского назвали «попом без рясы» и уволили с должности профессора и заведующего Высших педагогических курсов при физико-математическом факультете МГУ. Таких историй было немало. Автор книги замечает, что даже историки, в недавнем прошлом проявлявшие «интерес к вопросам религии и веры», теперь совершенно спокойно смотрели на бурную антирелигиозную деятельность советского правительства: «Так, 5 декабря 1931 г., в день разрушения храма Христа Спасителя М.В. Нечкина оставила следующую запись в своем дневнике: «Начали взрывать храм – замечательно» (с. 48).

«Выстоять» в период гонений на церковь и дожить до наших дней смогли религиозные (православные) праздники и обрядность. В монографии приводится тому немало доказательств. Историки в своих дневниках и мемуарах часто упоминают Рождество, Крещение, Благовещение, Вербное воскресенье, Пасху, Троицу. Некоторые ученые справляли свой День Ангела (именины), а 25 января в Татьянин день посещали до ее закрытия Университетскую церковь, посвященную Святой Татьяне. На Пасху во многих семьях в «чистый четверг» пекли куличи и красили яйца. Даже в годы «застоя» в магазине можно было всегда в пасхальные дни купить кулич, который, правда, назывался «кекс весенний».

На жизнь и творчество известных советских историков большое влияние оказывала художественная литература. Как отмечает автор, «художественная литература являлась важным фактором формирования мировоззрения историков, и знание круга их чтения делает понятными многие стороны их отношения к жизни, гражданские и нравственные принципы» (с. 91). «Литературные произведения в стихах и прозе, отечественные и зарубежные, классические и современные, занимали одно

из центральных мест в интеллектуальной жизни советских историков. Это было связано с тем огромным влиянием и авторитетом, которыми художественная литература традиционно обладала в российском обществе на протяжении XIX и XX вв.» (с. 57). Позволю себе добавить, что большое влияние художественная литература оказывала на формирование ученых и других специалистов, хотя, пожалуй, лишь лучших, ярких, талантливых представителей отечественной науки.

Л.А. Сидорова повествует о том, что старшее поколение советских историков прекрасно знало и русскую и зарубежную классику – прозу и поэзию. Е.В. Тарле высоко ценил романы Л.Н. Толстого, М.В. Нечкина внимательно изучала произведения Ф.М. Достоевского, очень любила поэзию, сама сочиняла стихи, И.И. Минц всегда очень много читал, часто критически отзывался о тех или иных мыслях писателей, например И.А. Бунина, буквально анализировал романы Д.А. Гранина. Да, историки читали и современных советских писателей, следили за книжными новинками, подписывались на «толстые журналы». Словом, художественная литература занимала значительное место в жизни многих из них. «В глубоко лирических произведениях, – читаем в рецензируемой монографии, – в стихах или прозе, классических или же современных, историки как и все прочие читатели, отыскивали параллели со своими внутренними переживаниями, находили совпадения литературных и собственных жизненных коллизий» (с. 88). Некоторые ученые и писатели были лично знакомы, и общение приводило к взаимовлиянию. А вот Н.М. Коржавин не общался с академиком А.М. Панкратовой. Однако ее жизненный путь так впечатлил писателя, что она послужила прототипом главной героини его поэмы «Танька», выпущенной в 1957 г. (с. 103-114). В период «оттепели» публицистика и художественная литература вообще приобрели, выражаясь словами Л.А. Сидоровой, «особый статус». «Лирика Б.Ш. Окуджавы, А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского и других поэтов поколения шестидесятников стала одним из символов той эпохи» (с. 103). В Москве и Ленинграде, а зачастую и в провинции, организовывались встречи с известными писателями и поэтами, которые собирали полные залы. Интересно, что и в эпоху «застоя» они продолжались. Писателей даже приглашали в академические институты. Помню, как в самом начале моей работы в Институте этнографии АН СССР в самом конце 1970-х гг. в институт был приглашен очень популярный в ту пору Ю.В. Трифонов. Большой зал на четвертом этаже известного академического здания на улице Дмитрия Ульянова 19, был забит битком. Историки внимательно слушали писателя и передавали ему записочки с вопросами.

В книге Л.А. Сидоровой верно подмечено, что в советское время каждый уважающий себя историк имел личную библиотеку. «Дневники, письма, воспоминания российских историков полны свидетельств того,

что их создатели – истинные библиофилы» (с. 185). Молодые историки, увидев впечатляющие собрания научных и художественных книг своих учителей, и сами хотели следовать такому примеру. Мне, да и другим моим сверстникам, особое удовольствие доставляло фланирование по букинистическим магазинам, которых в Москве в самом центре города было не менее 20-ти. Как же приятно было зайти в «Книжную лавку» у памятника Ивану Первopечатнику, «Пушкинскую лавку» в проезде Художественного театра (ныне Камергерский переулок), знаменитый «Букинист» в Столешникове, куда в свое время заходили Булгаков и Пастернак, и встретить там старших коллег. А мы, тогда молодые, всегда относились к ним с пиететом. Увы, нет больше этих книжных! Слишком дорога аренда помещения в центре города. «Историческая Москва» теперь уже не для таких магазинов.

Остановлюсь теперь на стиле текстов историков. Как подчеркивает Л.А. Сидорова, «для ряда историков профессионализм в науке был неотделим от художественного творчества. Научность изложения, по их мнению, не могла служить оправданием для нанесения ущерба русскому языку, его обеднения и засорения неоправданно заимствованными терминами» (с. 51). Я бы добавила, что такому правилу следовали лишь избранные. Большинство же исследователей не обращало внимания на свой стиль. Недаром еще в 1962 г. М.Н. Тихомиров, «поборник исследований, написанных живым, богатым языком, критически оценил художественные достоинства книг по истории. «Многие исторические труды нашего времени, – замечал академик, – пишутся и небрежно и невероятно скучно» (с.55). А что уж сказать о нашем времени?! Однако во все времена существовали историки – подлинные стилисты. «Литературный слог М.В. Нечкиной, А.З. Манфреда, Е.В. Тарле, других исследователей – мастеров слова получил высокую оценку в научном сообществе советских историков, был примером для подражания и следования» (с. 55). Они создали настоящие научно-художественные труды.

И еще один важный момент, затронутый в рецензируемой книге – о глубоком удовлетворении творческой работой. Автор освещает его на примере М.В. Нечкиной, которая писала в своем дневнике об «обретении радости от исследовательской деятельности... о счастье напряженного, светлого научного творчества... о счастье мысли» (с. 87). Ничего не изменилось и сейчас. Конечно, в наше время историку часто приходится выполнять труд ремесленника (Скорей, скорей. Даешь на-гора Веб оф Сайнс, Скопус и пр.). И все же остается еще иногда время, когда можно спокойно заняться поиском материала в архиве, обдумать тему, которая тебе интересна. А потом неспешно создать стройный текст и испытать хоть в течение часа ни с чем несравнимое счастье творчества.

Для многих советских историков всех трех поколений очень важным было приобщение к миру искусств. «Духовный мир советских ис-

ториков, – читаем в книге, – вобрал в себя впечатления, которые дарили драматические и оперные спектакли, балет, музыка, классическая и современная живопись. Общение с этими видами искусств, как свидетельствуют источники, по времени уступало чтению художественной литературы, наполнявшей, без преувеличения, едва ли не каждый день многих историков. Но по силе эмоционального воздействия, по роли в духовном и интеллектуальном обогащении они были на равных» (с. 114). Историком всегда интересовала живопись. «Они посещали музеи, знаменитые своими художественными собраниями: Эрмитаж, Русский музей, Третьяковку, Музей изящных искусств, а также выставки современных им художников» (с. 126). Среди ученых всех поколений всегда были поклонники симфонической музыки. «О чрезвычайно сильном впечатлении, которое произвела на него симфония № 2 С.В. Рахманинова, писал Н.М. Дружинин 15 июля 1910 г. ...Историк охарактеризовал ее как “симфонию русской тоски и горя”» (с. 124). «А.В. Предтеченский гордился тем, что ему довелось присутствовать на последнем в жизни А.Н. Скрябина концерте. Концерт проходил в малом зале Петроградской консерватории 2 апреля 1915 г.» (с. 124). Впрочем, некоторые историки предпочитали камерные концерты. Они часто проводились в Доме ученых на Кропоткинской улице (ныне ей вернули старое название Пречистинка). Музыканты исполняли небольшие произведения, певцы пели, как правило, романсы. М.В. Нечкина вспоминала, что ей «выпала удача слушать Н.А. Обухову, В.В. Барсову» (с. 115). Любили бывать в Доме ученых жившие неподалеку мои дедушка (профессор А.А. Красновский) и бабушка (химик по специальности).

Н.М. Дружинин был поклонником Веры Комиссаржевской (с. 118), А.М. Панкратова – Алисы Коонен (с. 119). Пользовались успехом и музыкальные спектакли. «На самых дешевых и неудобных местах будущие историки слушали в блестящем исполнении лучшие произведения оперного искусства – “Князя Игоря”, “Евгения Онегина” и “Пиковую даму”, смотрели балеты “Лебединое озеро”, “Пламя Парижа”» (с. 116). С удовольствием замечу, что традиция «единения» историков с искусством продолжается. В Москве в последние годы проходит много интересных выставок живописи, по музейному обмену привозят картины и предметы прикладного искусства из-за рубежа. Редко при посещении подобной выставки я не встречаю кого-нибудь из коллег. Музыкальный театр тоже по-прежнему не обойден историками вниманием. Так на оперных спектаклях я вижу известного византиста Михаила Вадимовича Бибикова, а видный специалист по истории международных отношений Михаил Матвеевич Наринский предпочитает балеты.

И еще один раздел книги, на который хочу обратить внимание читателей – о научных исторических школах. «Понятие “научной школы”, – пишет Л.А. Сидорова, – прочно вошло в терминологический обиход

историков. Большинство современных исследователей понимает его как объединение ученых в процессе научной деятельности, чаще неформальное, которое обладает целым набором характерных черт. Научная школа имеет отличительные особенности в методах и подходах к изучению истории, собственное “проблемное поле” и хронологические рамки, круг источников и методики работы с ними, определяет свое место в историографической традиции, указывая на предшественников и возможных последователей» (с. 169). Далее автор монографии перечисляет таких именитых основателей «школ», главным образом занимающихся теми или иными аспектами российской истории, как М.Н. Тихомиров, М.В. Нечкина, И.И. Минц, В.И. Бовыкин, П.В. Волобуев, В.П. Данилов, И.Д. Ковальченко, В.Т. Пашуто. Добавлю к ним имена известных советских историков, предметом исследований которых стала зарубежная тематика. Выделю, например, знаменитого французоведа Е.В. Тарле, известного историка античности С.Л. Утченко, видного специалиста в области международных отношений В.М. Хвостова, англоведа М.А. Барга. Замечательно, на мой взгляд, то, что традиция существования советских научных исторических «школ» в отдельных случаях не прерывалась и после ухода из жизни их основателей, а некоторые «школы» существуют и поныне. Благодарные ученики чтят память своих учителей и продолжают исследования в их русле. Дело В.Т. Пашуто продолжили сначала Анатолий Петрович Новосельцев, а затем Елена Александровна Мельникова. Традициям отечественного французоведения не дала угаснуть целая плеяда талантливых ученых, в которую влетены имена Альберта Захаровича Манфреда, Виктора Моисеевича Далина, Анатолия Васильевича Адо, моего учителя Владислава Павловича Смирнова. Школу по изучению истории международных отношений, основанную В.М. Хвостовым, сегодня блестяще продолжает его ученик Александр Оганович Чубарьян. Отрадно, что при сегодняшних непростых временах для развития науки в целом, поиск путей познания продолжается, и сегодня есть исследователи-историки, которых без преувеличения можно назвать основателями новых научных школ. В Институте всеобщей истории РАН, где я работаю, это – Лорина Петровна Репина, возглавляющая новое направление интеллектуальной истории, и Вера Павловна Буданова, разрабатывающая многогранную тему взаимодействия цивилизаций и варварства.

В заключение хочу еще раз сказать, что в работе Л.А. Сидоровой представлена широкая панорама жизни советских историков трех поколений, освещен целый ряд обстоятельств, с которыми ученые сталкивались в их частной и научной сферах. Прочитав книгу, я поняла, что ее тема поистине неисчерпаема. Буквально каждый раздел монографии мог бы стать предметом для отдельного исследования. Желаю автору новых творческих свершений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2008. 508 с.
- Богословский М.М. Дневники, 1913–1919. М.: Время, 2011. 797 с.
- Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. 588 с.
- Дневник историка С.А.Пионтковского (1927-1934). Казань: КГУ, 2009. 515 с.
- Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2004. №№ 10-12; 2005. №№ 1-2, 5.
- Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1995. №№ 9-10; 1996. №№ 3, 4, 7, 9-10; 1997. № 4.
- Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. 454 с.
- Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историография первого после- сталинского десятилетия. М.: Наука, 1997. 288 с.
- Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 294 с.
- Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН, 2017. 248 с.

REFERENCES

- Akademik P.V. Volobuev. Neopublikovannye raboty. Vospominaniya. Stat'i. M.: Nauka, 2008. 508 s.
- Bogoslovskij M.M. Dnevniky, 1913–1919. M.: Vremya, 2011. 797 s.
- Got'e YU.V. Moi zametki. M.: Terra, 1997. 588 s.
- Dnevnik istorika S.A.Piontkovskogo (1927-1934). Kazan': KGU, 2009. 515 s.
- Dnevniky akademika M.V. Nchkinoy // Voprosy istorii. 2004. №№ 10-12; 2005. №№ 1-2, 5.
- Dnevnik Nikolaya Mihajlovicha Druzhinina // Voprosy istorii. 1995. №№ 9-10; 1996. №№ 3, 4, 7, 9-10; 1997. № 4.
- Polyakov YU.A. Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy. M.: ROSSPEN, 1999. 454 s.
- Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoy nauke: sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya. M.: Nauka, 1997. 288 s.
- Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny HKH veka: sintez trekh pokolenij istorikov. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2008. 294 s.
- Sidorova L.A. Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2017. 248 s.

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru

Soviet historians. Generations and traditions

The article presents the last monograph by L.A. Sidorova, which is devoted to three generations of Soviet historians. The book traces the influence of religion, fiction, art and music on their life and scientific work.

Keywords: history, soviet historians, scientific schools, religion, fiction, theatre, music

Marina Arzakanyan, Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; arzakanian@mail.ru